

РЕГИНА

ИВАН БЕВЗ

Писатель и журналист. Родился в Польше, вырос в Москве девяностых. Учился на филфоне, работал в Литературном музее. В 2018-м издал сборник рассказов «Номмунална News». В 2021 году был резидентом в Доме творчества «Переделкино». Пишет о соцроковом.

Московское лето! Плавный сыр асфальта, слепящие стеклоблоки бизнес-кварталов, украденный воздух и пот человеческих тел в гремящем вагонах подземелье. С другой стороны – тихомырящая тень бульваров, аллей, парков, фонтанов, газонов, когда вдруг внезапно, откуда синоптики не обещали, ливень, июльский, неистовый, и нужно прятать все нажитое в целлофановые пакеты, бежать и смеяться самому себе как больше никогда после. Московское лето – лучшее время для подработки курьером, в последние школьные дни, если наказано гулять, пока молодой, но в то же время учиться вертеться, понять, каким горбом добывается хлеб, с каким трудом в дом несется копейка и пр.

Я работаю в клубе. Я развожу билеты на музыкальные концерты. Пока это еще нужно, и люди не научились бронировать билеты в онлайн, пока они заказывают их по телефону и ждут в напечатанном виде. Водить билеты несложно: они легкие, а люди, что их заказывают, в массе своей веселы и оставляют на чай.

Прошлым летом я доставлял бумажные договоры строительным фирмам. Договоры тоже легкие, но получающие их люди – серьезные, озабочены чем-то и чаевых не дают. Они смотрят нахмуренно в получаемые бумаги, кивают задумчиво и ухо-

дят, а однажды замечают тебя, спрашивают: может, воды или чаю? Подписание договора займет время, мальчик, ты пока посиди, почитай, вон, журналы, мальчик. Ответственность – не всеми любимое карго.

Еще одно лето назад я таскал по медучреждениям медоборудование: протезы, канистры спирта, дорогостоящие, тяжеловесные приборы. Их получатели смотрели на меня измученно, еще озабоченнее строителей, ибо я доставлял им напоминание о болезнях, недугах, мemento мори. Мне они ничего не говорили, просто открывали и брали, давали и закрывали за мною. Теперь я работаю в клубе, я доставляю предвкушение праздника. Мне кажется, что моя карьера движется в гору.

Сегодня пятница, и у меня три доставки и три конверта с билетами, именами и координатами. На кассе клуба мне заботливо напечатают карту местности, в которой я десантируюсь. Пока еще бумажные карты нужны и люди не научились находить свой маршрут в телефоне, хотя предпосылки к этому есть.

Мой первый конверт – Станислав, «Розенбаум», «Павелецкая». Дом изнутри содрогается от трамвайных путей, хата старая и неремонтированная, как и сам Станислав. Он улыбается золотым зубом, получая из моих рук конверт, расплачивается за

билеты мохнатой рукой, обрамленной золотом, а в тылу кисти синее размытое солнце. Хлопает отечески по плечу, приговаривая, что он в мои годы тоже вертелся как мог. Сует мне промятую сотку в карман, чему я умеренно рад, и мчусь на следующий вызов.

Марат, «Тимати», «Арбат». Обнесенный решеткой двор, не то качественный новострой, не то превосходно реновированная старина. Звонки, КПП, охрана. В дверях пацан чуть постарше меня в красном спортивном наряде, пострижен свежо и по моде, в ухе небольшой диамант, в руке сенсация года – айфон. В айфоне голос визглив и требователен. Марат отступает в прихожую:

- Да-да, помню. Сегодня у меня джиу-джитсу, потом тачку в ремонт везу. Ну. Сколько тебе раз повторять, а? На следующей неделе на Ибицу. Че «зачем»? Дела.
- Вот ваши три билета. С вас четыре тыщи пятьсот, пожалуйста.
- Только давай без истерик, а? Сдачи не будет? Это я не тебе.

Закатывает глаза, чтоб я видел, как его эта сука достала. Я притворяюсь, что меня нет, и что сдачи нет, и что я в его отношения не лезу. Мимо трубки: «Ладно, забирай себе сдачу, малой», – подмигивает заговорщически, мол, не трать все на этих сук.

Впереди последний концерт, что завернут в конверт, и обратно в клуб. Регина, «Валентин Стрыкало», «Пушкинская». Выныриваю из подземелий в предвкушении скорого окончания рабочей рутины, а впереди выходные, прогулки, кино и вся молодость. По карте идти пять минут, но здесь тучи над городом встали, ветер дует в лицо и откуда синоптики не могли обещать, разражается июльский ливень. Бульвар веет стремительно размокающей липой, шумит увертюра каштанов, почерневшая пыль мешается с жаром асфальта. Капли забили картечью. Но я ничего не боюсь, я кладу в непромокаемый пакет телефон, кошелек и паспорт, билеты с деньгами, а остальное пусть хоть ко дну! Кроссовки все равно захлебнулись, одежда облепила тело, штаны уже не спасти, мне терять нечего, мне по колено проезжие части. Пусть мимо машины плывут, пешеходы бегут расторопно, я буду прыгать по лужам, я запомнил маршрут и карту комком закинул в корзину.

Красивый дом, изящная дверь. Открывает девushка, лет восемнадцати, в тонком халате. Она прекрасна космически и как в кино – едва проснулась, богемно, под вечер, облекла фигуру в оде-

жды, потянулась и снова готова настраивать друг против друга народы. Студентка! Это для старшеклассника существо из иного, лучшего мира. «Вам кого?» Я деревом замер в проеме, напрочь забыв, кто я и зачем появился. Она глядит весело, но не понимает, а затем замечает конверт и угадывает: «А! Билеты?» И я: «Да-да-да, билеты...», а сам уже душой – к звездам.

Регина (с латыни – «царица») ослепляет мою несуразность чудесной улыбкой. Она говорит: «Ты проходи, я пока поищу деньги. Хочешь чаю?» Я не знаю, что тут сказать, просто смотрю. Тогда она мягко берет меня за руку и, засмеявшись звеняще, влечет по коридору. От такого расклада дел я теряю остаток ума, снимаю без памяти отяжелевшую обувь, что-то там бормочу про сезон дождей. А она ведет в кухню, сажает за стол, исчезает и возвращается с купюрами. Ставит чайник.

Мы сидим в ожидании кипения, и возникает немая сцена, в которой она знает, как беспримерно хороша в халате, длинные волосы вьются, а тело, с него, должно быть, лепят скульптуры, она знает и что я несуразен тоже, и что я мысленно ей поклоняюсь. Не смея поднять взор, я брожу по столу глазами, натываясь на пустые винные сосуды, пепельницу, тетради – натюрморт студенческой жизни, свободы. Собравшись с силой, роняю вопрос про Валентина Стрыкало, мол, стоящий ли это, на ваш, то есть на твой взгляд, артист, и тут же думаю: «Ну дурак! Она же мне только что отдала за билет тыщу рублей, еще бы не стоящий...»

Регина берет со стола тонкие сигареты, закуривает с видом эмансипированной женщины и принимается серьезно отвечать про течения и жанры, жанры и течения. Я умно киваю, но, честно, одновременно смотреть на нее и слушать – тяжеловато. Чайник кипит. Регина останавливает свой монолог и произносит тихо, без всяких намеков, но однозначно: «Пойдем в мою комнату? Я тебе сухую футболку дам».

И я вскакиваю в полной готовности сделать все, чего бы она ни предложила мне там, в комнате. Сама судьба манит меня к себе! Еще долго я вспоминал этот ключевой момент нашей встречи, развилку двух дорог, допридумывал, что было бы, если. Ее взгляд – без пошлости и пуританства, зовущий. И я, зовомый, незнакомец, чужак в квартире. Скрип паркета, шаг – мы в ее комнате, и она, резкий взгляд, духота, поворот, давай откроем окно, за окном барабанит неистово, как и в груди, прикосновение, тепло, так это все неожиданно, но к черту условности, к черту одежду!...

Но «если бы» не было. Мне позвонили с работы, напомнили, что я все еще курьер и что мне все еще нужно везти выручку в кассу, куда она не закрылась. Как человек в высшей степени не принадлежащий себе, я опустил перед нею взгляд, поклонился и с великим сожалением полез в обувь. На пороге ощутил досаду и в то же время надежду, даже уверенность в том, что мы встретимся вновь.

Регина не давала покоя неделю, Регина приходила во снах, мерещилась в лицах. Но у меня было место и время и план, в котором не будет повторных фиаско. Я выучил все песни Стрыкало, взял у одного друга брюки, у второго пиджак, рубашку у третьего и гордо завязываю свой собственный галстук. Туфель нет ни у кого из нас, поэтому кроссовки и упование на темноту. И так, она будет стоять одиноко, я увижу ее, мы соединимся в танце, потом... Страшно подумать. Ведь она живет на «Пушкинской», в своих роскошных апартаментах, а я с родителями у черта на куличках, что ж мне ей предложить? Но об этом позже.

Снова случается пятница, и я иду на концерт по контрамарке в свой клуб. Весь персонал, выстроившись в ряд, напутствует, желает любовных побед, а директор клуба самолично крепит мне на лацкан рубахи счастливую скрепку со своего выпускного. В бой! Собираются люди, тушится свет, я беру для устранения дрожи в коленях стакан виски с колой. Звучит первый аккорд, пролетает первая песня. Вот уже половина концерта, я обошел весь танцпол двести раз, а Регины все нет. Так я спускаю на виски с колой весь свой недельный доход. Официанты подливают сочувственно за свой счет: «Не пришла? Бедолага...» И дождавшись конца, уже без надежды сажусь на ступенях, несчастный и пьяный, с развязанным галстуком. Нет, не пришла.

И весь следующий день и всю неделю спустя я страдал и писал подростково пустые стихи в ее честь: «Регина – я сгинул» – и пытался понять, как так вышло...

Только спустя годы, когда больше не нужны ни бумажные карты, ни распечатки билетов, когда уже мало кто слушает Валентина Стрыкало всерьез, в один из вечеров просто так, мне вспоминается эта история и в голову бьет по-новому старая фраза: «Пойдем в *мою* комнату?» Ну дурак! Настоящая Регина, оказывается, все-таки пришла на концерт, а та девушка, по которой я бредил последнюю неделю своего школьного лета, была ее соседкой.